

ТРАНСФОРМАЦИЯ БОГОСЛУЖЕБНО-ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ БССР В 1929–1934 ГГ.

А. С. Калинина
Минск, Беларусь

В 1920–1930-е гг. в церковной жизни православных верующих БССР произошли значительные перемены, совершавшиеся под влиянием конфессиональной политики советского государства. Последняя, как известно, основывалась на атеистической марксистско-ленинской идеологии и имела антирелигиозную направленность с самого установления советской власти на белорусских землях. С 1929 г. положение и деятельность религиозных организаций регулировались постановлением «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., законодательно утвердившим переход государства к более жесткой, по сравнению с 1920-ми гг., политике в области религии. Цель данного доклада – проанализировать, каким образом богослужебная жизнь, исполнение верующими важнейших христианских обрядов в первой половине 1930-х гг. подстраивались под новые реалии.

Прежде всего, следует отметить количественное сокращение и нерегулярность богослужений на действующих приходах, особенно в сельской местности, в связи с повсеместным недостатком православных священников и политикой административного изъятия церквей в БССР. Анализ архивных документов показывает, что многие верующие постепенно теряли привычку и интерес к частым богослужениям, довольствуясь несколькими праздничными службами в году. Из 64 рассмотренных заявлений верующих о направлении на приход священнослужителя за 1929–1934 гг. практически в 2/3 случаев прихожане были заинтересованы в праздновании самого главного православного праздника – Воскресения Христова (отсутствие праздничного богослужения в ночь с субботы на воскресенье могло восполняться последующими службами пасхального цикла), в большом почете были Троица (Пятидесятница) и престольный праздник, а также Рождество Христово. Активизация верующих в поисках священников именно в пасхальный и предпасхальный период подтверждается в переписке священнослужителей: так, в 1931 г. Могилевский архиепископ Сергей Добромыслов в письме митрополиту Даниилу Громовенко указывает, что для мирян «время обостренной нуж-

ды в священнике» – это «время великого поста, ко дню св. Пасхи и других великих и известных праздников»¹.

Сами верующие следующим образом мотивировали свое желание иметь священника в великопостно-пасхальный период: «дабы дать возможность раскрыть темноту и сбросить возложенную тяжесть с сердца общины верующих» (заявление от 13 апреля 1929 г. церковного совета Волосовичской церкви Лепельского района, Полоцкий округ)², «духовный голод с особенной силою дает себя чувствовать в эти святые дни... чтобы и наш велико-лепный храм не был закрыт в эти дни ликования и духовного торжества» (прошение от 25 апреля 1929 г. прихожан Тубышской Николаевской церкви Бельничского благочиния, Оршанский округ)³, «приближается праздник Святой Пасхи и мы до сих пор еще не говели» (заявление от 13 апреля 1930 г. общины Слуцкой Свято-Троицкой церкви)⁴, «уже проходит Великий Пост и Мы еще небыли у Исповеди, и Некоторые уже умерли без исповеди» (прошение от 8 апреля 1932 г. Лепельской соборной общины)⁵. Как видим, для верующих важно было не только встретить «Праздников Праздник» торжественным богослужением, но и соответствующим образом подготовиться к нему через говение, которое для православного христианина являлось традиционным, обязательным элементом полноценной церковной жизни.

Сама традиция говения не была привязана исключительно к Великому посту и Пасхе. Однако в сложившихся неблагоприятных условиях антирелигиозного давления, недостатка священнослужителей верующие вынуждены были удовлетворять свои религиозные нужды в ограниченный период времени и, как правило, выбирали самый главный пост и праздник. О говении перед другими важными (двунадесятыми, престольными) праздниками в документах не упоминается.

Впрочем, отнюдь не везде прихожане смирялись с подобной ситуацией, так как она вела не только к выпадению православно-го верующего из привычного годового богослужебного круга, но

¹ Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 496. – Л. 125.

² НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 496. – Л. 43.

³ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 449. – Л. 46.

⁴ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 480. – Л. 4.

⁵ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 506. – Л. 72.

лишала приход постоянного пастырского руководства, а это, по мнению самих верующих, серьезно сказывалось на нравственности и вере народа: «...В нас справа абстаить очень кепска, – писал председатель церковно-приходского совета Троицкой церкви г. Кличева Г. Сук 11 ноября 1930 г. митрополиту Даниилу, – народ пашов у блуд и сталі забывать Госпада Бога и стали гаварить што кали священники атказалісь то нам темным людям нима чаго...»¹. Тем не менее, советская действительность диктовала верующим свои условия, постепенное неизбежное подчинение которым сводило всю богатую православную богослужебную традицию к нескольким службам в году.

Показательным примером подобного сокращения, произведенного самими верующими, служит история с приходом Георгиевской церкви д. Черноручье (Шкловский район) в 1934 г.: местные власти препятствовали регистрации туда священнослужителя, и верующие, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, обратились с просьбами в обновленческое Могилевское епархиальное управление – приписать церковь к приходу Соборно-Кладбищенской церкви, а в Шкловский районный исполнительный комитет – разрешить причту вышеозначенной церкви совершать у них до 15 богослужений в год. Прощение в РИК содержало перечень самых насущных церковных служб на 1934–1935 гг.² Данный документ интересен и ценен тем, что отражает и условия, в которые были поставлены верующие (коллективизация и противодействие властей), и попытки верующих как-то в этих условиях устроиться, сочетать церковную жизнь с колхозными полевыми работами, демонстрируя полную лояльность существующему строю, и приоритеты прихожан в выборе богослужений, в частности, первенство праздников великопостно-пасхального цикла и некоторых двенадцатых, преимущество храмового торжества и дней поминовения усопших перед некоторыми двенадцатыми праздниками, например, перед Вербным Воскресеньем Вознесением.

Помимо вынужденного ограничения количества богослужений в году, встречаются случаи и сознательного отказа от менее важных, с точки зрения верующих, служб: в частности, община Городецкой церкви (Могилевская область) весной 1932 г. «как

¹ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 45.

² НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 572. – ЛЛ. 11–11 об., 14–14 об.

маломощная, у которой не может оказаться средств достаточных для оплаты налогов, просила командировать к ним священника только до радоницы»¹. В сентябре того же 1932 г. в с. Свяды Лепельского района новоприезжему священнику Емельяну Лескову «старостиха» Феодора «холодно сказала: мы просили Владыку прислать священника на Пасху; но наша просьба не исполнена. Теперь же мнение некоторых членов из пятерки такое, что пока лучше воздержаться от приглашения священника, чтобы не нарушать спокойствия жизни, так как председатель сельсовета лютый, будет преследовать церковных людей (раскулачивать их и т. п.)»².

Одновременно ситуация в городских приходах, переживших кампании по закрытию церквей в 1928–1929 гг., могла складываться совершенно иным образом (особенно если храм имел статус кафедрального собора): горожане, которых не коснулись реалии коллективизации, могли позволить себе даже такую «роскошь», как регулярные будничные богослужения, включая акафисты и молебны, ранние и поздние воскресные литургии. Например, на приходе Свято-Михайловского собора г. Мозыря служили «по четвергам обедню и чтение Акафиста Святителю Николаю, в пятницу вечерню, заутреню, в субботу обедню»³.

Если говорить о самом характере богослужений, то, учитывая, что в фокусе внимания авторов сохранившихся архивных документов по большей части оказывались службы великопостно-пасхального цикла (для партийно-советского актива отношение к Пасхе являлось одним из основных индикаторов религиозности населения) и архиерейские торжества, необходимо отметить следующие особенности:

а) общая продолжительность богослужений, включавших утреню, литургию с крестным ходом вокруг храма, молебен, панихиду (на кладбище) могла достигать до 10 часов (например, с 8 утра до 6 вечера). Среди причин – большое количество исповедников (в разных случаях от 300 до 500 человек, часто при одном священнике) и «поминовений» (видимо, подразумевалось чтение записок «за здравие» и «за упокой»), а также продолжительные проповеди, наставления и беседы архиерея с народом;

¹ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп.1. – Д. – ЛЛ. 14–14 об.

² НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 512. – Л. 39.

³ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 511. – Л. 45.

б) страдала внешняя сторона богослужений, включая хоровое сопровождение, наличие и состояние богослужебных принадлежностей (книг, икон, облачений и т. д.). Абсолютное большинство церквей были материально бедны; собрать и содержать постоянный хор было трудно как по экономическим причинам, так и из-за боязни верующих быть замеченными властями в активной церковной деятельности. Например, по словам священника Луки Пигулевского, невозможно было организовать хор в Петрикове, так как «все петриковцы ремесленники и состоят членами артелей и профсоюзов и избегают участия в хоре»¹. В крайнем случае, хором могли быть обеспечены праздничные службы, но чаще обязанности певца исполнял псаломщик, диакон или даже сам священник², что сказывалось на качестве и длительности богослужений;

в) фактическая посещаемость верующими богослужений была достаточно высока (самая большая численность – более 2000 человек за литургией и панихидой – зафиксирована в 1929 г. в с. Чайки Полоцкой епархии³), причем, по словам духовенства, «духовный голод, особенно заметен в приходах, где нет пастыря и церкви закрыты»⁴;

г) традиции и новации в богослужении: нет никаких оснований утверждать, что неблагоприятная внешняя обстановка либо обновленческие идеи существенно повлияли на порядок и содержание богослужений (исключение составляет разве что регламентированное законом вмешательство властей в богослужебную деятельность вне храма, например, запрет на крестный ход к реке в праздник Крещения Господня). Характерной чертой православия в принципе являлась укорененность в святоотеческой традиции, церковном предании, неотъемлемой частью которого в представлении верующих был богослужебный устав. Прихожане трепетно относились к «вере отцов», к принципу «поступать, как было заведено до нас», и это распространялось даже на такие, казалось бы, несущественные детали, как установка креста на могиле в голове или ногах во время погребения⁵. Сами обновлен-

¹ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 487. – Л. 79 об.

² НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 512. – Л. 78.

³ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 455. – Л. 7.

⁴ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 501. – Л. 38.

⁵ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 562. – ЛЛ. 2, 3–4.

цы признали свое поражение в попытках реформировать устав и утверждали, что «в порядке вероучения и в порядке богослужения синодальная церковь решительно ничем не отличается от церкви тихоновской»¹. Впрочем, на некоторых приходах священникам удавалось проводить в жизнь так называемое общее пение (исполнение всеми молящимися во время богослужений «Символа веры», «Отче наш» и других песнопений) и отверзание Царских врат во время чтения священником Евхаристического канона. Но принятие верующими подобных нововведений было редкостью и зависело, по большей части, от авторитета настоятеля на приходе, его образованности и умения грамотно донести до прихожан суть проделанных изменений².

Участие в церковных службах для верующих было связано не только с молитвой, но и такими важнейшими для полноценной христианской жизни таинствами, как исповедь и причастие. Оба эти таинства в сознании любого члена РПЦ были неотделимы друг от друга, поэтому целесообразно говорить о них как о едином акте публичного исповедания веры. Как уже было отмечено ранее, прихожане «исполняли христианский долг исповеди и причастия» в абсолютном большинстве зафиксированных случаев во время великопостного говения, без чего для верующего было немыслимо достойно встретить праздник Пасхи. Практиковалась как частная исповедь – исповедание грехов священнику каждым верующим наедине³, так и общая исповедь – священник зачитывал вслух общий перечень грехов в присутствии кающихся с последующим отпущением грехов каждому индивидуально⁴. Востребованность последней связывают все с той же проблемой недостатка священнослужителей и физической невозможностью священнику одному справиться с наплывом прихожан, которые могли приезжать за 40 верст ради возможности поисповедаться и причаститься⁵. Так, в составе религиозного общества Кохановичской Петропавловской церкви на 25 марта 1934 г. официально числилось 135 членов⁶, в то время как месяцем позже

¹ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 492. – Л. 73 об.

² НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 541. – Л. 28.

³ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 506. – Л. 72–73 об.

⁴ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 486. – Л. 14–15 об.

⁵ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 452. – Л. 48 об.

⁶ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 568. – Л. 3.

«В Пасхальную ночь и Благовещение было больше 1000 человек» исповедников¹.

«Дети не крещаны и люди харонюца как скатина»², «...если нам нужно хоронить то без обедни и без священника за извинением как иврея или нужно виньчаться то приходится без венца жить ибо нет священника»³, – пишут прихожане в прошениях прислать священника. Таинства крещения и, в меньшей степени, венчания, а также обряд погребения (отпевания) наряду с говением входили в тот религиозный минимум, который «христианские чувства» диктовали соблюдать верующим. Самым востребованным стабильно на протяжении первой половины 1930-х гг. было таинство крещения, за ним с довольно большим отрывом следовало отпевание, наконец, наименьшей популярностью пользовалось таинство венчания. Так, священник Антоний Жуковский (с. Краснолуки Холопеничского района Могилевской области) за первую половину 1929 г. совершил 88 крещений, 15 погребений и 3 венчания⁴; протоиерей Александр Благовещенский в Кохановичском приходе (Витебская область) за 1933 г. совершил 208 крещений, 46 погребений и 14 браков⁵. Эти цифры подтверждают тревожные сообщения священнослужителей с мест, звучавшие на протяжении всей первой половины 1930-х гг., о том, что «требы (крещение, погребение и брак)... в последнее время значительно сокращаются, и брака церковного почти уже и нет»⁶.

Таким образом, на протяжении 1929–1934 гг. под влиянием государственной политики в области религии происходит определенная трансформация различных сторон церковной жизни православного населения БССР, в частности, богослужебной и обрядовой жизни верующих. Это выразилось в постепенном отстранении верующих от участия в церковной жизни, удовлетворение «религиозных нужд» для которых ограничивается теперь посещением нескольких праздничных богослужений в году, участием в крещении и отпевании. Среди основных причин данного явления следует отметить следующие: ликвидация храмов и отсутствие священнослужителей, «колхозный» фактор (кол-

¹ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 563. – Л. 88 об.

² НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 45 об.

³ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 493. – Л. 37 об.

⁴ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 418. – Л. 66–66 об.

⁵ НИАБ. Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 21 об. – 22.

⁶ НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 489. – ЛЛ. 66–66 об.

хозные работы носили централизованный характер, и крестьяне были не свободны в распределении своего личного и рабочего времени, к тому же местные власти рассматривали посещение крестьянами церкви как помеху колхозному строительству и использовали это в качестве предлога для запрета богослужбной деятельности в данной местности), тяжелые экономические условия, меры репрессивного воздействия со стороны местных властей на «церковников», причем последние в целом негативно сказывались участии верующих в церковных делах.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ (А. Я. ГРОМАДСКОГО) (ПОЛЬСКИЙ ПЕРИОД)

А. Г. Иценко
Ровно, Украина

Имя митрополита Алексия для исследователей, занимающихся историческим религиоведением, известно в связи со становлением и деятельностью Автономной православной церкви на украинских землях в оккупационный период 1941–1943 гг. При этом исследователи обходят тот факт, что митрополит Алексей был и религиозным мыслителем, оставившим после себя значительное богословско-философское наследие в целом ряде монографий, статей, проповедей. В своих работах иерарх поднимал злободневные проблемы церковно-культурной жизни своего времени, размышлял над религиозными, философскими, богословскими и социальными проблемами. До сих пор исследователи, размышляющие над личностью Алексия и дискутирующие по поводу особенностей его воззрений, не занимались комплексным анализом его трудов. Поэтому, исследование интеллектуального наследия экзарха Алексия для религиоведческой науки является значимым и актуальным.

Творения митрополита Алексия, как и любого другого мыслителя, делятся на определенные периоды. Иерарх жил в сложную эпоху и в разных государственных образованиях, которые по-разному решали, в том числе и конфессиональный вопрос, прямо влиявший на проблематику, которую поднимал мыслитель в тех или иных своих работах. Целесообразно выделить имперский (1908–1918 гг.), польский (1919–1939 гг.), советский и оккупационный (1939–1943 гг.) периоды творчества. Наиболее плодотворным был, несомненно, Польский межвоенный период, поскольку